

А.Ф. Писемский

**Полное собрание
сочинений**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Ф. Писемский**
Полное собрание сочинений: Том 7 / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2019. – 632 с.

ISBN 978-5-517-83448-5

Полное собрание сочинений.

ISBN 978-5-517-83448-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Крошка отъ удивленія раскрыла на него свои большіе глаза, но князь уже повернулъ въ Морскую и скоро былъ далеко отъ нея. Затѣмъ онъ пришелъ въ гостиницу «Парижъ» и вошелъ въ большой и нарядный номеръ. Здѣсь онъ свое цѣнное пальто такъ же небрежно, какъ, вѣроятно, и надѣвалъ его, сбросилъ съ себя и, сѣвъ на диванъ, закрылъ глаза въ утомленіи. Въ такомъ положеніи князь просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не раздался звонокъ въ его номеръ: это принесли ему книги изъ магазина. Расплатившись за нихъ, князь сейчасъ же принялся читать одинъ изъ нѣмецкихъ подлинниковъ, при чемъ глаза его выражали то удовольствіе отъ прочитываемаго, то какое-то недоумѣніе, какъ будто бы онъ не совсѣмъ ясно понималъ то, что прочитывалъ. Въ этомъ чтеніи князь провелъ часа полтора, такъ что официантъ вошелъ и доложилъ ему:

— Карета, ваше сіятельство, пріѣхала къ вамъ.

— Ахъ... да... — протянулъ князь, и затѣмъ онъ лѣниво всталъ и началъ переодѣваться изъ широкаго пальто во фракъ.

Дядя князя Григорова, къ которому онъ теперь ѣхалъ обѣдать, былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Михайла Борисовичъ Бахтуловъ и принадлежалъ къ высшимъ сановникамъ. Почти семидесятилѣтній старикъ, съ красивыми сѣдыми волосами на вискахъ, съ нѣсколько лукавой кошачьей физиономіей и носившій изъ всѣхъ знаковъ отличія одинъ только портретъ покойнаго государя, осыпанный брильянтами, Михайла Борисовичъ въ молодости получилъ прекрасное, по тогдашнему времени, воспитаніе и съ первыхъ же шаговъ на службѣ быстро пошелъ впередъ. Трудно, конечно, утверждать, чтобъ Михайла Борисовичъ имѣлъ собственно какія-либо высшія государственныя способности, но зато положительно можно сказать, что онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ (качество весьма нужное для государственныхъ людей)—даромъ умно и тонко льстить. Лицо, которому онъ желалъ или находилъ нужнымъ льстить, никогда не чувствовало, что онъ ему льститъ; напротивъ того, всѣ слова его казались ему дышащими правдою и даже нѣкоторою строгостью. Однажды—это было, когда Михайлѣ Борисовичу стукнуло уже за шестьдесятъ—передъ началомъ одной духовной церемоніи кто-то замѣтилъ ему: «Ваше высокопревосходительство, вы бы изволили сѣсть, пока служба не началась»...—«Мой милый другъ,—отвѣчалъ онъ громко и потрепавъ ласково говорившаго по плечу:—я съ дѣтства сдѣлалъ привычку никогда въ церкви не садиться»... Михайла Борисовичъ какъ будто бы Богу даже желалъ льстить и хотѣлъ въ храмѣ Его быть пріятнымъ Ему... Любимецъ трехъ

государей, Михайла Борисовичъ въ прежнее суровое время какъ-то двоился: въ кабинетѣ своемъ онъ былъ другъ ученыхъ и литераторовъ и говорилъ въ извѣстномъ тонѣ, а въ государственной дѣятельности своей все старался свести на почву законовъ, которые онъ зналъ отъ доски до доски наизусть и съ этой стороны, по общему мнѣнію, былъ непреоборимъ. Въ настоящее же время Михайла Борисовичъ былъ одинаковъ какъ у себя дома, такъ и на службѣ, и дома даже консервативнѣе, и нѣкоторымъ своимъ близкимъ друзьямъ на ушко говаривалъ:—«Слишкомъ распускаютъ, слишкомъ!». Дѣтей Михайла Борисовичъ не имѣлъ и жилъ съ своей старушкой-женой въ довольно скромной, по его положенію, квартирѣ: онъ любилъ власть, но не любилъ роскоши. Марья Васильевна Бахтулова (родная тетка князя Григорова) была кротчайшее и добрѣйшее существо. Племянника своего она обожала; когда онъ былъ въ лицѣ, она безпрестанно брала его къ себѣ на праздники, умывала, причесывала, цѣловала, закармливала сладостями, надѣляла деньгами и потомъ, что было совершенно противно ея правиламъ и понятіямъ, способствовала его рановременному браку съ одной весьма небогатой дѣвушкой. Самъ Михайла Борисовичъ какъ-то игнорировалъ племянника и смотрѣлъ на него черезчуръ свысока: онъ вообще весь родъ князей Григоровыхъ, судя по супругѣ своей, считалъ не совсѣмъ умнымъ. Племянникъ, въ свою очередь, не отдавая себѣ отчета, за что именно, ненавидѣлъ дядю.

За полчаса до обѣда Михайла Борисовичъ сидѣлъ въ своей гостиной съ толстымъ, короткошейнымъ генераломъ, который своими отвисшими брылями и приплюснутымъ носомъ напоминалъ отчасти бульдога, но только не съ глухими, большими, кровавыми глазами, а съ маленькими, сѣрыми, ушедшими внутрь подъ брови и блистающими необыкновенно умнымъ, проникающимъ человѣческимъ блескомъ. Кроткая Марья Васильевна была тутъ же: она сидѣла и мечтала, что вотъ скоро придетъ ея Гриша (князь Григоровъ тѣмъ, что пребывалъ въ Петербургѣ около мѣсяца, доставлялъ теткѣ безконечное блаженство). «Онъ придетъ, она налюбуется на него, наглядится,— глаза у него ужасно похожи на глаза ея покойнаго брата. Конечно, братъ ея былъ больше комильфо. О, онъ былъ истинный петиметръ»...—и лицо Марьи Васильевны принимало при этомъ нѣсколько гордое выраженіе. «У Гриши манеры хуже, но зато онъ ученый!.. философъ!»—утѣшала себя и въ этомъ отношеніи старушка. Михайла Борисовичъ былъ на этотъ разъ въ нѣсколько недовольномъ и какъ бы неловкомъ положеніи, а толстый генералъ почти что въ озлобленномъ. Онъ сейчасъ

хлопоталь-было оплести Михайлу Борисовича по одному дѣлу, но тотъ догадался и уперся. Генераль очень хорошо зналъ, что въ прежнее, болѣе суровое время Михайла Борисовичъ не сталъ бы ему очень противодѣйствовать и даже привелъ бы, вѣроятно, статью закона, подтверждающую желаніе генерала, а теперь... «О, старая лисица, совсѣмъ перекинулся на другую сторону!»...—думалъ онъ со скрежетомъ зубовъ и готовъ былъ растерзать Михайлу Борисовича на кусочки, а между тѣмъ долженъ былъ ограничиваться только тѣмъ, что сидѣлъ и недовольно пыхтѣлъ: для нѣкоторыхъ темпераментовъ подобное положеніе ужасно! Наконецъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Баронъ Мингеръ.

— Проси!—сказалъ Михайла Борисовичъ съ явнымъ удовольствіемъ на лицѣ.

Глаза старушки Бахтуловой тоже заблестали еще болѣе добрымъ чувствомъ. Баронъ вошелъ. Во фракѣ и въ туго накрахмаленномъ бѣлѣ онъ сталъ походить еще болѣе на журнальную картинку. Прежде всѣхъ онъ поклонился Михайлѣ Борисовичу, который протянулъ ему руку хоть нѣсколько и фамильярно, но въ то же время съ добрымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно начальники встрѣчаютъ своихъ любимыхъ подчиненныхъ.

Баронъ еще на школьной скамейкѣ подружился съ княземъ Григоровымъ, познакомился черезъ него съ Бахтуловымъ, поступилъ къ тому прямо на службу по выходѣ изъ заведенія и былъ теперь одинъ изъ самыхъ близкихъ домашнихъ людей Михайлы Борисовича. Служебная карьера черезъ это открывалась барону великолѣпнѣйшая.

Толстому генералу онъ тоже поклонился довольно низко, но тотъ въ отвѣтъ на это едва мотнулъ ему головой. Послѣ того баронъ подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ, поцѣловалъ у нея руку и сѣлъ около нея.

— Чтѣ, видѣли вы сегодня Гришу? — спросила она его ласково.

— Видѣлъ. Онъ сейчасъ будетъ сюда, — отвѣчалъ баронъ почтительнымъ голосомъ.

— Да, вѣроятно, — подтвердила старушка съ удовольствіемъ.

Это говорили они о князѣ Григоровѣ, который и самъ вскорѣ показался въ гостиной всей своей громадной фигурой. Онъ былъ тоже во фракѣ и отъ этого казался еще выше ростомъ и еще неуклюжѣе. Онъ какъ-то притворно-радушно поклонился дядѣ, взглянулъ на генерала и не поклонился ему; улыбнулся теткѣ (и улыбка его въ этомъ случаѣ была гораздо добрѣе и искреннѣе), а потомъ, кивнувъ головой небрежно барону, усѣлся

на одинъ изъ отдаленныхъ дивановъ, и лицо его вслѣдъ затѣмъ приняло скучающее и недовольное выраженіе, такъ что Марья Васильевна не преминула спросить его встревоженнымъ голосомъ:

— Ты здоровъ, Гриша?

— Здоровъ!—отвѣчалъ онъ ей, мрачно смотря себѣ на руки.

Старый генераль вскорѣ поднялся. Онъ совершенно казеннымъ образомъ наклонилъ передъ хозяйкой свой станъ, а Михайлѣ Борисовичу, стоя къ нему бокомъ и не поворачиваясь, протянулъ руку, которую тотъ съ своей стороны крѣпко пожалъ и пошелъ проводить генерала до половины залы.

Возвратясь оттуда, Михайла Борисовичъ усѣлся на прежнее свое мѣсто и, кажется, былъ очень доволенъ. что остался между свонми.

— Удивительные есть люди!—произнесъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

Баронъ при этомъ обратился весь во вниманіе.

— Вы, можетъ-быть, знаете,—отнесся уже прямо къ нему Михайла Борисовичъ:—что одно извѣстное лицо желаетъ продать свой домъ въ казну.

Баронъ наклоненіемъ головы своей изъяснилъ, что онъ знаетъ это.

— А этотъ господинъ,—продолжалъ Михайла Борисовичъ, мотнувъ головой на дверь и явно разумѣя подъ именемъ господина ушедшаго генерала:—желаетъ получить извѣстное мѣсто, и между ними произошло, вѣроятно, такого рода *facio ut facias*: «вы-де схлопочите мнѣ мѣсто, а я у васъ куплю за это домъ въ мое вѣдомство»... А?—заключилъ Михайла Борисовичъ, устремляя на барона смѣющийся взглядъ, а тотъ при этомъ сейчасъ же потупился, какъ будто бы ему даже совѣстно было слушать подобныя вещи.

— Ну, и чортъ ихъ тамъ дери!— снова продолжалъ Михайла Борисовичъ, нахмуривая свои брови.—Дѣлали бы сами, какъ хотять, такъ нѣтъ-съ!.. Нѣтъ!..—даже взвизгнувъ онъ.—Сегодня этотъ господинъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и прямо просить, чтобы я вотировалъ за подобное предложеніе. «Яковъ Петровичъ!—говорю я:—я всегда былъ противъ всякаго рода казенныхъ фабрикъ, заводовъ, домовъ; а въ настоящее время, когда мы начинаемъ немножко освобождаться отъ этого, я вотировать за такое предположеніе просто считаю для себя дѣломъ законопреступнымъ».

— Это совершенно справедливо-съ, — подхватилъ вѣжливо баронъ:—но домъ все-таки, вѣроятно, будетъ купленъ, и господинъ этотъ получить желаемое мѣсто.

Михайла Борисовичъ на довольно продолжительное время пожалъ своими плечами.

— Очень можетъ быть, по французской поговоркѣ: будь жаденъ, какъ кошка, и ты въ жизни получишь вдвое больше противъ того, чего стѣишь! — произнесъ онъ не безъ грусти.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Марья Васильевна, видя, что баронъ, начавъ говорить съ Михайлой Борисовичемъ, какъ бы случайно всталъ передъ нимъ на ноги, воспользовалась этимъ и сѣла рядомъ съ племянникомъ.

— Завтра ѣдешь? — спросила она его ласковымъ голосомъ.

— Завтра, ma tante, — отвѣчалъ тотъ, держа попрежнему голову въ грустно-наклоненномъ положеніи.

— Жаль мнѣ, другъ мой, очень жаль съ тобою разстаться, — продолжала старушка: на глазахъ ея уже появились слезы.

— Чтò дѣлать, ma tante, — отвѣчалъ князь; видимо, что ему въ одно и то же время жалко и скучно было слушать тетку.

— Нынѣшней весной, если только Михайла Борисовичъ не увезетъ меня за границу, непременно приѣду къ вамъ въ Москву, непременно!.. — заключила она и, желая даже какъ бы физически поласкать племянника, свою маленькую и сморщенную ручку положила на его жилистую и покрытую волосами ручищу.

— Приѣзжайте, — отвѣчалъ онъ, а самъ при этомъ слегка старался высвободить свою руку изъ-подъ руки тетки.

— Пойдемте однако обѣдать! — воскликнулъ Михайла Борисовичъ.

Всѣ пошли.

Когда первое чувство голода было удовлетворено, между Михайлой Борисовичемъ и барономъ снова начался разговоръ и попрежнему о томъ же генералѣ.

— Мнѣ говорить одинъ очень хорошо знающій его чело-вѣкъ, — началъ баронъ, потупляясь и слегка дотрогиваясь своими красивыми, длинными руками до серебряныхъ черенковъ вилки и ножа (голосъ барона былъ при этомъ какъ бы нѣсколько нерѣшителенъ, можетъ-быть, потому, что высокопоставленныя лица иногда не любятъ, чтобы низшія лица рѣзко выражались о другихъ высокопоставленныхъ лицахъ): — что онъ вовсе не такъ уменъ, какъ о немъ обыкновенно говорить.

— Не знаю-съ, насколько онъ уменъ! — рѣзко отвѣчалъ Михайла Борисовичъ, выпивая при этомъ свою обычную рюмку портвейна; въ сущности онъ очень хорошо зналъ, что генералъ былъ уменъ, но только тотъ всегда подавлялъ его

своей аляповатой и дѣйствительно ужь ни передь чѣмъ не останавливающейся натурой, а потому Михайла Борисовичъ издавна его ненавидѣлъ.

— И что вся его энергія, — продолжалъ баронъ нѣсколько уже посмѣлясь: — ограничивается тѣмъ, что онъ муштруетъ и гонитъ подчиненныхъ своихъ и на костяхъ ихъ. такъ сказать, зиждетъ свою славу.

Михайла Борисовичъ усмѣхнулся.

— Есть это немножко!.. Любимъ мы изъ себя представить чисто метущую метлу... По-моему-съ, — продолжалъ онъ, откидываясь на задокъ кресель и видимо приготавлиаясь сказать довольно длинную рѣчь: — я чиновника долго къ себѣ не возьму, не узнавъ въ немъ прежде человѣка; но, разъ взявъ его, я не буду считать его пѣшкой, которую можно и переставить и вышвырнуть какъ угодно.

— Вы, ваше высокопревосходительство, такой начальникъ, что...

И баронъ не докончилъ даже своей мысли отъ полноты чувствъ.

Михайла Борисовичъ тоже на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго расчувствовался.

— Не знаю-съ, какой я начальникъ! — произнесъ онъ голосомъ, полнымъ нѣкоторой торжественности: — но знаю, что составъ моихъ чиновниковъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, конечно, есть лучший въ Петербургѣ...

— Служить у васъ, ваше высокопревосходительство... — началъ баронъ и снова не докончилъ.

На этотъ разъ его перебилъ князь Григоровъ, который въ продолженіе всего обѣда хмурился, тупился, смотрѣлъ себѣ въ тарелку и наконецъ, какъ бы не утерпѣвъ, произнесъ на всю залу:

— Я бы никогда не могъ служить у начальника, который меня любитъ!

Баронъ и Михайла Борисовичъ вопросительно взглянули на него.

— Между начальникомъ и подчиненнымъ должны быть единственныя отношенія: начальникъ долженъ строго требовать отъ подчиненнаго исполненія его обязанностей, а тотъ долженъ строго исполнять ихъ.

— Да это такъ обыкновенно и бываетъ!.. — возразилъ Михайла Борисовичъ.

— Нѣтъ, не такъ-съ! — продолжалъ князь, краснѣя въ лицѣ: — любимцы у насъ не столько служатъ, сколько услуживаютъ женамъ, дочерямъ, любовницамъ начальниковъ...

Марья Васильевна обмерла отъ страха. Слова племянника

были слишкомъ дерзки, потому что баронъ именно и оказывалъ Михайлѣ Борисовичу нѣкоторыя услуги по поводу одной его старческой и, разумѣется, чисто-физической привязанности на сторонѣ: онъ эту привязанность сопровождалъ въ театрѣ, на гулянье, и вообще даже нѣсколько надзиралъ за ней. Старушка все это очень хорошо знала и отъ всей души прощала мужу и барону.

Михайла Борисовичъ, въ свою очередь, сильно разсердился на племянника.

— То, что ты говоришь, нисколько не относится къ нашему разговору,—произнесъ онъ, едва сдерживая себя.

Баронъ старался придать себѣ видъ, что онъ нисколько не понялъ намека Григорова.

— Я не къ вашему разговору, а такъ сказалъ!—отвѣчалъ тотъ, опять уже потупляясь въ тарелку.

— Да, ты это такъ сказалъ!—произнесъ насмѣшливо Михайла Борисовичъ.

— Такъ сказалъ-съ! — повторилъ Григоровъ кротко.

Марья Васильевна отошла душою.

Обѣдъ вскорѣ послѣ того кончился. Князь, вставъ изъ-за стола, взялся за шляпу и сталъ прощаться съ дядей.

— А курить? — спросилъ его тотъ лаконически.

— Не хочу-съ!—отвѣчалъ ему князь тоже лаконически.

— Ну, какъ знаешь! — произнесъ Михайла Борисовичъ.

Въ голосѣ старика невольно слышалась еще не остывшая досада; затѣмъ онъ, мотнувъ пригласительно барону головой, ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Съ Марьей Васильевной князю не такъ скоро удалось проститься. Она непремѣнно заставила его зайти къ ней въ спальню; здѣсь она изъ дорогой божицы вынула деревянный крестикъ и подала его князю.

— Отвези это княгинюшкѣ отъ меня и скажи ей, чтобы она сейчасъ же надѣла его: это съ Геннадія преподобнаго, — непремѣнно будутъ дѣти.

Князь не безъ удивленія взглянулъ на тетку, но крестикъ однако взялъ.

— Что смотришь? Это не для тебя, а для княгинюшки, которая у тебя умная и добрая... гораздо лучше тебя!.. — говорила старушка.

Князь сталъ у ней на прощанье цѣловать руку.

— И повѣрь ты, другъ мой, — продолжала Марья Васильевна какимъ-то уже строгимъ и внушительнымъ голосомъ: — пока ты не будешь вѣровать въ Бога, никогда и ни въ чемъ тебѣ не будетъ счастья въ жизни.

— Я вѣрую, тетушка, — проговорилъ князь.

— Ну! — возразила старушка и затѣмъ, перекрестивъ племянника, отпустила его наконецъ.

Въ кабинетѣ между тѣмъ тоже шелъ разговоръ о князѣ Григоровѣ.

— Я пойду однако прощусь съ княземъ, — проговорилъ-было баронъ, закуривая очень хорошую сигару, которую предложилъ ему Михайла Борисовичъ

— Оставьте его! — произнесъ тотъ тѣмъ же досадливымъ голосомъ.

Баронъ остался и не пошелъ.

— Странный человѣкъ — князь! — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Просто дуракъ! — рѣшилъ Михайла Борисовичъ: — хорошую жизнь ведетъ: не служитъ, ни дѣлами своими не занимается, а ѣздитъ только изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Москву.

— Да, жизнь не очень дѣятельная! — замѣтилъ съ улыбкою баронъ.

— Дуракъ! — сказалъ еще разъ Михайла Борисовичъ; онъ никогда еще такъ рѣзко не отзывался о племянникѣ: тотъ очень разсердилъ его послѣднимъ замѣчаніемъ своимъ.

Князь въ это время шагаль по Невскому. Карету онъ обыкновенно всегда отпускалъ и ѣздилъ въ ней только туда, куда ему надобно было очень чистымъ и незагрязненнымъ явиться. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей гостиницѣ, тѣмъ быстрѣе шелъ и, придя къ себѣ въ номеръ, сейчасъ же принялся писать, какъ бы спѣша передать волновавшія его чувствованія.

«Добрая Елена Николаевна! — писалъ онъ скорымъ и мало-разборчивымъ почеркомъ. — Несмотря на то, что черезъ какіе-нибудь полтора дня я самъ возвращусь въ Москву, мнѣ все-таки хочется письменно побесѣдовать съ вами — доказательство, какъ мнѣ необходимо и дорого ваше сообщество. Никогда еще такъ не возмущалъ и не истерывалъ меня офиціальныи и чиновничій Петербургъ, какъ въ нынѣшній пріѣздъ мой. Какая огромная привычка выработана у всѣхъ этихъ господъ важничать, и какая подъ всѣмъ этимъ лежитъ пустота и даже мелочность и ничтожность характеровъ!.. Мнѣ больше всѣхъ изъ нихъ противны ихъ лучшіе люди, ихъ передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отецъ готовилъ меня, а между тѣмъ онъ былъ, сколько я помню, человѣкъ не глухой, любилъ меня и, конечно, желалъ мнѣ добра. Понимая, вѣроятно, что въ лицѣ меня ничему

порядочному не научать, онъ въ то же время зналъ, что мнѣ оттуда дадутъ хорошій чинъ и хорошее мѣсто, а въ Россіи чиновничество до такой степени все зашло, въ такой мѣрѣ покойнѣе, прочнѣе всего, что родители обыкновенно лучше всего предпочитаютъ убить, недоразвить въ дѣтяхъ своихъ человѣка, но только чтобы сдѣлать изъ нихъ чиновника. Въ университетахъ нашихъ очень плохо учатъ, но тамъ есть какой-то научный запахъ; тамъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, можетъ усвоить нѣкоторые приемы, какъ потомъ образовать самого себя; но у насъ и того не было. Свѣтскія манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургскій ладъ и наконецъ бессмысленное либеральничанье, чтó, впрочемъ, есть еще самое лучшее, чтó преподано намъ тамъ. Грустнѣй всего, что съ такимъ небогатымъ умственнымъ и нравственнымъ запасомъ пришлось жить и дѣйствовать въ очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо какъ-то разъ говорили, что нынче не только у насъ, но и въ европейскомъ обществѣ, человѣку, для того, чтобы онъ былъ не совершеннѣйшій пошлякъ и поступалъ хоть сколько-нибудь честно и цѣлесообразно, приходится многое самому изучить и узнать. То, чтó вошло въ насъ посредствомъ уха и указки изъ воспитывающей насъ среды, видимо, никуда не годится. Но чѣмъ замѣнить все это, чтó поставить вмѣсто этого? — Естественное, мнѣ кажется, лучше всего можетъ дать отвѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что лучше всего можетъ познакомить человѣка съ самимъ собой; ибо онъ, чтó бы тамъ ни говорили, прежде всего *животное*. Высшія его потребности, смѣю думать, — роскошь, безъ которой онъ можетъ и обойтись; доказательствомъ служатъ дикари, у которыхъ духовнаго только и есть, что религія да кой-какія пѣсни. Итакъ, моя милая Елена Николаевна, примемтесь за естественное. Я накупилъ по этому отдѣлу книгъ, и мы съ вами будемъ вмѣстѣ читать ихъ: я заранѣе прихожу въ восторгъ, представляя себѣ эти прекрасные вечера, которые мы будемъ съ вами посвящать на общую нашу работу въ вашей гостиной. Кстати, по поводу вашей гостиной, о вашей матушкѣ: почему васъ могло такъ возмутить письмо ея ко мнѣ, которымъ она проситъ прислать ей изъ Петербурга недорогой мѣховой салопъ? Во-первыхъ, въ Петербургѣ дѣйствительно мѣха лучше и дешевле; во-вторыхъ, мнѣ кажется, мы настолько добрые и хорошіе знакомые, что церемониться намъ въ подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ, и смѣю васъ завѣрить, что даже самыя огромныя денежные одолженія, по существу своему, есть въ то же время самыя дешевыя и ничтожныя и, конечно, никогда не могутъ

окупить тѣхъ высоконравственныхъ наслажденій, которыя иногда люди даютъ другъ другу и которыя я въ такой полнотѣ встрѣтилъ для себя въ вашемъ семействѣ.

«За ваши посѣщенія жены моей приношу мою искреннюю благодарность. О, какъ вы глубоко подмѣтили, что она отъ своего добраго, дѣтскаго взгляда на жизнь неизлѣчима. Десять лѣтъ я будилъ и бужу въ ней взглядъ взрослой женщины и не могу добудиться, и это одна изъ трагическихъ сторонъ моей жизни.

«Вашъ другъ,
«Григоровъ».

186—года,—января.

II.

Князь Григоровъ, по происхожденію своему, принадлежалъ къ весьма старинному и чисто-русскому княжескому роду. Родство у него было именитое: не говоря уже о Михайлѣ Борисовичѣ Бахтуловѣ, два дяди у него были генераль-адъютантами, три тетки статсъ-дамами, двѣ-три кузины дамами-патронессами. Всѣми этими связями князь нисколько не воспользовался для составленія себѣ хоть какой-нибудь служебной карьеры. Онъ не былъ даже камеръ-юнкеръ и служилъ всего года два мировымъ посредникомъ, и то въ самомъ началѣ ихъ существованія. Жилъ онъ въ настоящее время постоянно въ Москвѣ, въ огромномъ барскомъ домѣ съ двумя каменными крылами для прислуги. Стеклянная дверь вела съ подъѣзда въ сѣни, изъ которыхъ въ бельэтажъ шла мраморная лѣстница съ мраморными статуями по бокамъ. Зала, гостиная и кабинетъ были полны рѣдкостями и драгоценностями; все это досталось князю отъ дѣда и отъ отца, но самъ онъ весьма мало обращалъ вниманія на всѣ эти сокровища искусствъ: не древній и не художественный міръ волновалъ его душу и сердце, а, напротивъ того, міръ современный и социальный!

Въ одинъ изъ холоднѣйшихъ и ненастнѣйшихъ московскихъ дней, къ дому князя подходила молодая, стройная дѣвушка-брюнетка, съ очень красивыми, выразительными, умными чертами лица. Она очень аккуратно и нѣсколько на мужской ладъ была одѣта и, какъ видно, привыкла ходить пѣшкомъ. Несмотря на слѣпящую вьюгу и холодъ, она шла смѣло и твердо, и только подойдя къ подъѣзду княжескаго дома, какъ бы нѣсколько смутилась.

— Князь дома? — спросила она, впрочемъ, довольно спокойнымъ голосомъ, отворившаго ей дверь швейцара.